

ПОЛУЧИЛОСЬ КАК ВСЕГДА. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ: СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Л.Г. Фишман

*Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук*

Аннотация: *Статья посвящена описанию и систематизации наиболее ярких характеристик российской официальной идеологии. Идеология правящей государственно-бюрократической корпорации описывается как вторичная по отношению к «буржуазному» оригиналу «идеология победы». В статье рассматриваются стратегии бюрократической имитации «буржуазного оригинала», которые на практике выступают как бесперспективный «недонационализм», антиэкстремистский дискурс и «идеология быстрой отчётности». В конечном счёте под покровом эклектичной официальной идеологии обнаруживается нечто вроде «общественного договора» в его гоббсовской версии: если вы согласились с существованием суверена, то придётся его терпеть. Единственная ее цель — обосновать легитимность господства корпоративно-бюрократического суверена над подданными, которая основана на факте единственно значимой победы — победы над ними.*

Ключевые слова: *политическая идеология, политическая элита, государственная бюрократия, бюрократическая корпорация, легитимность, господство.*

В этой статье, которая является по большей части систематизацией уже высказанного автором в других публикациях [Фишман 2015а: 261–268; Фишман 2015б: 111–119; Фишман 2016а: 39–48; Фишман 2016б: 132–141], предпринимается попытка описать наиболее характерные черты российской официальной идеологии, если о таковой можно говорить как о чем-то целостном. Как нам представляется, к этому описанию следует подходить, задавшись двумя вопросами: чего хотелось её социальным заказчикам в лице российских элит и что получилось в итоге? Или: каков был спрос и каково оказалось предложение?

Итак, что требовалось от российской официальной идеологии в так сказать, условиях «мирного времени»? Прежде всего, надо отметить, что речь идёт о разновидности «буржуазной идеологии». (Мы употребляем это словосочетание для того, чтобы подчеркнуть общую направленность российских официальных идеологов, которая в общем правая, консервативно-либеральная, апологетическая по отношению к капитализму, словом, «буржуазная».)

Хотя это вовсе не означает, что российский политический режим по своей классовой природе однозначно «буржуазный» в традиционном понимании). Как таковая, «буржуазная идеология» в первую очередь должна быть идеологией «национального примирения». Эта же идеология в не слишком мирные времена оборачивается неким аналогом национализма, оправдывающим позицию российских элит в мировом масштабе, а если нужно, то и внешнеполитическую экспансию. Таков был изначальный (и, можно сказать, типовой спрос) на идеологию, но что же получилось?

Идеология национального примирения как «идеология победы»

«Буржуазную идеологию» национального примирения можно рассматривать с различных точек зрения, но мы рассматриваем её в первую очередь как «идеологию победы». Причина этого станет понятна ниже.

Здесь мы отталкиваемся от мангеймовского (в свою очередь, восходящего к марксовому) понимания идеологии как преимущественно учения социальных групп, находящихся на вершине социальной пирамиды¹. Но правящий класс — это, конечно, класс, победивший в классовой борьбе.

В «буржуазной идеологии» культ победы и победителей вообще изначально имел огромное значение. Оно проявляется уже в раннем осмыслении «естественного состояния» как «войны всех против всех». Последняя прекращается лишь благодаря добровольной капитуляции перед лицом суверена, которому под видом «общественного договора» все отчуждают часть своих прав. Иными словами, «общественный договор» — это мирный договор на условиях суверена-победителя.

Аналогичным образом в ортодоксально-либеральном понимании экономики как основы общества превалирует представление о рынке как об арене конкурентной борьбы (и даже войны), в которой есть свои победители и побеждённые. Это же представление потом переносится на природу, а затем вновь возвращается в область политики в виде мальтузианства и социал-дарвинизма, расовой теории и т. д.

Не менее важным, чем компонент войны в структуре идеологий является представление о примирении, которое, впрочем, прямо вытекает из базовых концептов войны и победы. Война ведётся ради мира, но его условия диктуются в основном победителем. Точно так же и в области идеологии условия мира диктует победитель², что находит отражение в ситуации, которую Грамши описывал в терминах культурной гегемонии³. В рамках культурной гегемонии и существует аспект примирения. Но раз так, то он тоже подразумевает наличие базовых представлений о пути развития, об истории и выборе, а, следовательно, о победителе и проигравшем. Бывает, что с течением времени страна начинает проводить политику национального согласия вплоть до признания героями (или, по крайней мере, не однозначными злодеями) в том числе и представителей проигравшей стороны. Часть ценностей проигравших может быть интегрирована в политическую культуру. Однако, вне зависимости от всего сказанного выше, доминирование победившей идеологии всегда принципиально.

¹«Утопичность идей всегда выявляют представители господствующего слоя, находящиеся в полном согласии с существующим порядком; идеологичность — представители поднимающегося слоя, отношения которых к существующему порядку полны напряжения, вызванного самим их положением в данном обществе» [Мангейм 1991: 121].

²Консерватизм как влиятельная часть идеологического консенсуса в этом смысле олицетворяет собой аспект примирения с некоторыми уступками побеждённому.

³«...Ранее порождённые идеологии... вступают в конфронтацию и конфликт, продолжающийся до тех пор, пока не проявится тенденция к преобладанию одной из них или, по крайней мере, единственной комбинации из них» [Лестер 2003].

Образцовая «идеология победы»

В качестве «идеального типа» таковой наиболее уместно взять американскую «идеологию победы». В конце концов, именно Америка всегда считалась страной, в которой дух капитализма выразился наиболее чистом виде. Если же мы бегло рассмотрим историю США, как она отражалась в американском национальном самосознании, то без труда сможем вычлени в ней ряд моментов, соответствующих формированию различных аспектов оригинальной буржуазно-национальной «идеологии победы». Она призвана обосновать доминирование буржуазии в общественной жизни и в мировом масштабе таким образом, чтобы оно выглядело как проявление естественного порядка вещей и хода истории. В этом мироощущении наиболее полно отразилось восприятие буржуазией своей всемирно-исторической миссии, просто-таки обречённой на победу.

Культурные и исторические основания у американской оригинальной «идеологии победы» весьма сильны и значимы. Они играли большую роль в жизни американцев ещё до возникновения США. Во многом нация переселенцев, продвигающихся вслед за фронтиром, с самого начала ощущала себя нацией победителей — как девственной природы, так и нередко враждебного индейского окружения. Свое государство она основала, победив в войне за независимость от могущественной метрополии, и гимн этого государства отражает торжество мужественных и свободных людей над «бандой наёмников» и «подлых врагов». Победа над ними — первая в ряду побед, совершаемых во имя исполнения высокой исторической миссии — показать всему человечеству светлый путь свободы. С момента основания «Города на холме», американцы верили в великую миссию своего народа, порученную им самим Богом. Последовавшие вслед за обретением независимости другие победы, сопровождавшиеся территориальной и экономической экспансией, ещё более укрепили их в этой вере. Окончание Гражданской войны и ещё одна победа, на сей раз над постыдным рабовладением, показали, что великий эксперимент по построению нового мира успешно продолжается. С течением же времени было достигнуто и относительное примирение в области исторической памяти об этой войне: ее участники и с той, и с другой стороны в равной степени стали восприниматься как герои.

В копилку побед затем добавились бурный экономический рост и рост внешнеполитического влияния, которые сделали США гегемоном по результатам двух мировых войн. Америка начала задавать стандарты в сфере массовой культуры и уровня жизни. Наконец, когда распался СССР, была одержана победа над последним могучим противником. Это была победа в соревновании двух мироустроительных проектов, поскольку СССР действительно обладал таковым — во многом похожим на саму американскую «идеологию победы» в плане прогрессистского пафоса, апелляции к преобразующему мир историческому субъекту (пролетариату) и гордости многочисленными успехами, достигнутыми в ходе тяжёлой борьбы. В американской «идеологии победы» сформулированы критерии победы в историческом масштабе, характерные для Новейшего времени и Современности — победы идеологической, победы мироустроительного проекта.

Помимо прочего, следует отметить, что сама «идеология победы» в американском варианте не является монопольной принадлежностью какой-то одной партии или иной общественной силы и не заключена, так сказать, в один идеологический флакон. Поэтому какие бы противоречия не имела американская «идеология победы» в целом, эти противоречия всегда могут быть представлены как издержки ее неверной партийной интерпретации и политически преодолены.

Идеологические «победы» и бюрократические праздники

А как же обстоит дело у нас? У постсоветской «буржуазной», либерально-демократической России тоже были свои победы, аналогичные победам западных идеологий. Это август 1991 и октябрь 1993 г. Но по целому ряду причин эти победы не смогли стать национальными праздниками и не были подняты на щит правящими режимами. Не удалось утвердиться в качестве «главного праздника новой России» и 12 июня. Как справедливо отмечает В. Ефремова со ссылкой на К. Смит, уже с самого начала праздник оказался сопряжён с событиями, которые обусловили неоднозначность восприятия его нарратива, сделав его противоречивым и непопулярным. Одна из причин такого поворота событий заключалась в том, что у националистов и коммунистов он ассоциировался с распадом СССР и последующим разбазариванием его ресурсов, ответственность за которые возлагалась Б. Ельцину, подписавшего декларацию о суверенитете. Без ответа оставались и следующие вопросы: чем считать 12 июня — годовщиной нации или президентства? от кого Россия стала независимой — от Украины, Белоруссии, Казахстана и других бывших советских республик [Ефремова 2014: 89-90]? В итоге, как едко заметил В. Мартьянов, этот праздник превратился в «праздник для никого» [Мартьянов 2006].

В наследство от советского режима нам достался праздник Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября. С трогательной непосредственностью, отражавшей желание любого правящего класса иметь ситуацию «национального примирения», его вначале пытались переименовать в День согласия и примирения, а затем перенесли праздничную дату на 4 ноября. Показательно, что день одной идеологической победы фактически заменили празднованием другой победы, причём победы уже с отчётливым военным оттенком (изгнание поляков), но тоже скрыто идеологической, связанной с выходом из Смутного времени, то есть опять же с достижением чаемого правящим классом согласия и примирения. Общий посыл нового праздника был довольно ясным: подчёркивание непреходящей ценности государства, величия и крепости державы (что делало его своего рода праздником бюрократии). Замена оказалась неудачной вследствие как архаичности ее идейного содержания, так и временной удалённости событий, праздновать которые теперь официально предлагалось.

Несмотря на переименование 12 июня в День России и существование Дня Конституции и Дня народного единства (de facto представляющего собой День освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского от польских интервентов), вопрос о главном празднике в стране оставался открытым. Упомянутые выше праздники так и не обрели народной любви и популярности. Попытка замены не слишком удалась и потому, что так был просто отодвинут вопрос о все ещё не достигнутом примирении между «красными» и «белыми», которое для нас гораздо более актуально, чем события четырёхсотлетней давности. Потребность правящего класса в *настоящей* победе как символе национального согласия и выбора всем народом некоего пути, то есть признанного идеологического доминирования, по-прежнему не была удовлетворена. Поэтому со все большим размахом, достигшим пика в 2015 г., стал праздноваться День Победы 9 мая. Общая победа в войне выдвинулась на роль ключевого спланированного символа «многонационального российского народа». Как замечает по этому поводу Н. Копосов, миф о войне, по сути, превратился в миф о происхождении постсоветской России: «Миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима. Он подчёркивает единство государства и народа, а не насилие государства над народом... доказывает необходимость сильной власти, вооружённых сил и спецслужб» [Копосов 2011: 164]. Из праздника, правда, изъяли большую часть его изначального идейного содержания, чётко выраженного, в частности, в следующем высказывании И. Сталина: «Утвердившаяся в нашей стране идеология равнопра-

вия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев» [Сталин б/г]. В советской традиции подчёркивалась связь между победой над нацистской Германией и Великой Октябрьской революцией. В сегодняшнем же облике 9 мая эта связь является побочной, а то и вовсе игнорируется, точно так же как красное знамя, под которым победа была одержана, уступило место георгиевской ленте.

В конечном счёте, от «идеологической победы» должна остаться просто *победа*, осмысляемая уже не столько как победа конкретной идеологии, сколько как победа некоего «естественного» пути развития, «нормального» мышления и образа жизни. Например, американского или европейского, цивилизованного, достойного и т. п. Иными словами, идеологию, лежащую в основе победы, нельзя провозглашать открыто. И все же за завесой тайны должно непременно что-то скрываться, а именно — сама идеология с ее ясно выраженными целями и задачами. Однако в российском случае этот покров маскирует не то чтобы пустоту, но нечто, чьё содержание слишком неопределённо и размыто, чтобы называться идеологией. То, что находится у нас на месте идеологии, лучше всего описывают слова У. Черчилля, которыми он характеризовал Россию в целом: «загадка, завернутая в тайну и помещённая внутрь головоломки».

В итоге мы видим, что праздник 9 мая сегодня отражает стремление государственной бюрократии к обладанию «идеологической победой», но объективно не в состоянии справиться с возложенной на него задачей. Мы едва ли ошибёмся, предположив, что за завесой тайны скрывается *только чистое желание* иметь такую победу. Российский правящий режим мог бы сказать, не покрывив душой: «А значит, нам нужна одна Победа». Но проблема в том, что Победа, которую празднуют, не может быть без существенных искажений исторических фактов подогнана под потребности правящей бюрократии, а те, что могли бы подойти под критерий «идеологической победы», не слишком пригодны либо в силу своей излишней откровенности, либо вследствие прямо противоположного идейного содержания. Тем не менее, попытки интегрировать подобного рода победы, включая победу 1917 г., в ту единственную «идеологическую победу», которая нужна режиму, продолжают. Тут присутствует почти психоаналитическая коллизия: упор на итоги и значение Великой Отечественной войны скрывают под собой вытесненное желание закрепить результаты современной нам «войны классовой». Не случайно последний раз вопрос о революции 1917 г. был поднят В. Мединским почти сразу после празднования 70-летия Победы [Мединский 2015].

С Днём Победы у нас наблюдается ситуация, когда праздник, лишенный аутентичного идейного содержания, но продолжающий праздноваться в силу своей архетипичности, обнажает саму природу идеологии как дискурса победы правящего класса или хотя бы желания иметь такую победу. С этой точки зрения весьма показательны, что на многих плакатах в честь праздника было написано не «70 лет Победе» (что правильной), а «70 лет Победы». «70 лет победы» — формула, в которой можно без труда обнаружить стремление выдать за «победу» и последние 25 лет. Но в последние 25 лет у нас была только одна достойная упоминания победа — победа нынешнего правящего класса, преемника советской номенклатуры, над остальным населением.

Показательно, какие превращения в этой парадигме номенклатурной «победы и примирения» претерпела либеральная составляющая идеологического обоснования отечественного политического режима. В настоящий момент она трансформировалась в антиэкстремистский дискурс. Либерализм и сам по себе склонен рассматривать все прочие идеологии как крайности, а приверженные им политические силы как «экстремистские». В западных странах этой склонности противодействует политическое влияние левых и правых оппонентов либерализма. У нас же исходно либеральный экстремистский дискурс, будучи присвоенным правящей бюрократией и в

условиях «зачищенного» политического поля, превратился в парадигму, в рамках которой любая идеология и политическая сила потенциально опасны для «государства» и «стабильности». Иными словами, и в этом случае мы видим, что под маской формально победившего либерализма скрывается все тот же бюрократический суверен, который по отношению к остальному обществу и является настоящим победителем.

Националистический интернационализм и бесперспективный недонационализм

Другая часть запроса на «буржуазную идеологию» со стороны элит, как мы уже указали выше, заключается в стремлении сформулировать некий аналог национализма — боевую ипостась буржуазной идеологии. И тут дела тоже не идут гладко. Проблема заключается в том, что исторический момент для формирования собственно буржуазного национализма был упущен как раз в советские времена. Именно большевики сформулировали своего рода *функциональный аналог* буржуазного национализма, который назывался советским патриотизмом. И по сравнению с этим аналогом теперь любые попытки взрастить собственно буржуазный национализм будут выглядеть проигрышно.

Действительно, советский период ознаменовался всем, чем можно порадовать сердце самого взыскательного националиста: там были и территориальная экспансия, и успехи в науке и технике, и высокая мораль, и огромный международный вес. Более того, именно в советский период, который рассматривался как кульминация всей российской истории, была выстроена матрица национального самосознания. Она придавала смысл прошлым достижениям и жертвам, начиная от защиты Европы от татаро-монгольского нашествия и заканчивая ее освобождением от Наполеона и Гитлера. Всякий западный национализм, обращавшийся к «отсталым» народам своим империалистическим ликом, неизменно стремился представить дело так, будто он выполняет великую цивилизационную миссию глобального масштаба. «Сахиб» мог выглядеть злым и творить зло, но он делал это, в конечном счете, ради блага порабождённых народов. Крушение колониальной системы подорвало у западного «сахиба» уверенность в собственной благодати. Но советский «сахиб», напротив, казался себе идеалом, «сахибом» добрым, который зачастую бескорыстно, ради одного только стремления к прогрессу и справедливости, помогает многочисленным отсталым народам. В современной России такая уверенность не подорвана до сих пор. Иными словами, «советский патриотизм» во многом конструировался как улучшенная версия или, по меньшей мере, как функциональный аналог западных национализмов: он решал аналогичные задачи и апеллировал к сходным чувствам.

В сравнении со всем этим мифы, которые пытались конструировать постсоветские русские националисты, выглядели неполно, если не сказать — ущербно. В нашей истории нельзя найти примеров того, чтобы русский национализм, сшитый по выкройкам украинской вышиванки (как метко заметил К. Семин) [Семин 2014], послужил причиной каких-то достойных гордости достижений и величия.

События на Украине стали моментом истины для русских националистов, так или иначе игравших с радикальной этнонационалистической риторикой, но также и для тех, кто заигрывал с «православным неоевразийством». Потребовалось показать, на что способен русский национализм на уровне гражданского общества без апелляции к «совку». Оказалось — мало на что. На юго-востоке Украины и даже в Крыму он был вынужден постоянно апеллировать к советскому наследию, советской идее социального государства, социального прогресса, внеэтнического гражданства, советской символической. Этот своеобразный «советский мир» оказались вынужденными защищать с оружием в руках даже «белогвардейцы» вроде Игоря Стрел-

кова. Если юго-восток и поднял традиционалистское восстание, то это восстание тех, для кого традиция заключается в следовании принципам, пронизывавшим советскую эпоху.

Но специфика ситуации, в которой находятся правящие элиты современной России, заключается в том, что они одновременно остро нуждаются в чем-то вроде национализма и при этом не могут позволить себе признание фатальной зависимости сколь-нибудь *эффективного* русского национализма от советского прошлого. Поэтому на официальном уровне происходящее на украинском юго-востоке и вокруг него трактуется как восстание во имя «Русского мира» и как защита «Русского мира».

Заигрывание с национализмом и со словом «русский» для нынешней российской правящей элиты — дело необходимое и одновременно опасное. Конечно, можно заигрывать на уровне мифов, символики и чувств, но нельзя копать слишком глубоко. Символика, мифы и чувства связаны с материальным, институциональным и идейным наследием советской эпохи. Рациональное осознание этой связи опасно, особенно когда из него пытаются делать практические выводы. Поэтому необходимо исключить из «сферы рационального» осознание русскими националистами своих советских корней. Отсылки к советскому прошлому избежать нельзя, но можно, к примеру, описывать советский патриотизм как приверженность гораздо более древней имперской традиции. Хотя и тут важно не перегнуть палку: ведь «имперство» стало частью русской национальной идентичности тоже преимущественно в советский период. Не то чтобы «Сталин придумал русских», но именно в его эпоху в *массовое* сознание внедрялась версия отечественной истории как истории, касающейся большой национальной (и интернациональной) общности — с общими событиями, подвигами, достижениями, страданиями, героями и предателями. В этой версии истории отделить русское от имперского было просто невозможно. Как и всякий национализм, она взывала к моментам наивысшего величия. Историю империи как историю народа советское массовое сознание усвоило как историю собственно национальную. Кульминация этой истории — советский период со всем хорошим и не очень хорошим, что в нем было. Поэтому последовательный национализм, если он апеллирует именно к чувству, неизбежно ведёт к «совку», а массовое сознание постоянно беременно вопросом о его реставрации. Реставрация «совка», как ни парадоксально, означает также и возможность единственно доступной для нас версии неурезанного национального самосознания.

Нынешний же концепт «Русского мира», в сущности, является ослабленной версией панславистской идеи, к которой однажды уже пытались обращаться правящие круги Российской империи и которая тогда с треском провалилась. Идея эта заключалась в этнизации православия, самодержавия и народности, в изображении России в качестве какого-то особого «культурно исторического типа», в том, что идея славянства превыше всего, кроме разве Святой церкви. Однако уже тогда, в начале Первой мировой войны, как справедливо замечает Дмитрий Горин, «панславизм стал не выходом из идейного кризиса, а признаком его углубления. Наделение религиозных или идейно-политических доктрин этнической экспрессией свидетельствует об их сужении и упрощении, что является скорее симптомом распада, нежели единения» [Горин 2014: 87–88]. Отвлечённая идея панславизма, грешившая склонностью к «широким морально-догматическим обобщениям», быстро показала свою несостоятельность. Она не «срабатывала» так же хорошо, как «нормальные» национальные идеи, поскольку не способствовала укреплению национального самосознания; в конечном счёте, «в России этнический шовинизм обнажил все слабые точки отношений между народами, входящими в империю» [Там же: 90].

Такова же и идея «Русского мира», которая построена, по сути, на умолчаниях по поводу того, что наиболее впечатляющие достижения русских были сделаны в ходе созидания ими советского строя. В этой связи показательны попытки заменить советскую идентичность

русской на основе православия. Однако урезанная до «Русского мира» и уже один раз обанкротившая версия панславизма в очередной раз обещает нам те же грабли.

Возможность сформировать полноценный аналог национализма в виде «советизма» все ещё остаётся открытой. Но именно эта возможность как раз и блокируется элитами, ибо означает их крушение. Вместо действенного аналога национализма предлагаются химеры, разные варианты соединения несоединимого, в данном случае — разных частей советского наследия и пореформенного либерализма, православия, традиционализма, духовных скреп, национальной идеи и так далее. Что неудивительно, поскольку «идейно-политические традиции страны для бюрократа есть склад таких концепций (типа славянофильства или западничества в России). Поэтому его отношение к интеллектуальной истории страны всегда утилитарно» [Макаренко 2016]. Разнообразным стратегиям построения заведомо неэффективных сочетаний идеологием даётся карт-бланш. Такова и идея «Русского мира» — химера бесперспективного «недонационализма», которая, похоже, содержит в себе все, до чего додумались за двадцать пять лет обслуживавшие российский политический режим идеологи и политтехнологи. И эта химера умылась кровью на Украине, столкнувшись с относительно последовательным этническим украинским национализмом.

Противоречивость бюрократической имитации идеологии победителей

В смысле идейного содержания, вне зависимости от внутренних противоречий, российская официальная идеология остаётся в привычных вполне «буржуазных» либерально-консервативных рамках. Ее противоречивость, в конечном счёте, соответствует специфике нашего правящего класса.

Современная Россия — полупериферийная «империя» с государственно-капиталистической экономикой, управляемая бюрократической элитой, которая занимается распределением сырьевой ренты. В сущности, в сложившемся мировом порядке элиту этой «империи» устраивало все, кроме той доли влияния и гарантий, которые имеет ее верхушка. Но этот вопрос казался решаемым до тех пор, пока действия «Запада» по расширению сферы его влияния, не перешли в геополитическом смысле известной «красной черты». Правящая элита России обнаружила, что ей предстоит борьба за место под солнцем. Эта борьба могла быть морально и идеологически оправдана лишь в том случае, когда речь бы шла об изменении мирового порядка, который давно уже многим кажется несправедливым и грабительским. Но всерьёз бороться против такого порядка российские правящие элиты не способны, потому что сами являются его частью — не самой привилегированной, но и не париями. Они — по большому счёту проигравшие и наследники проигравших, которые на короткое время испытывали иллюзию полноправного приобщения к сообществу победителей и все ещё надеются вернуть это сладкое мгновение. Однако к исторической миссии настоящих победителей они непричастны и поэтому их версия «идеологии победы» обычно оборачивается **бюрократической имитацией**.

Здесь же мы должны особо отметить, что в характере функционирования этой идеологии отражается специфический для бюрократии стиль мышления и реагирования на вызовы. Давно замечено, что идеал бюрократического регулирования заключается в том, чтобы самим издавать нормативные акты и принуждать общество к их исполнению, не допуская над собой какого-либо контроля. Однако, когда от общества требуют каких-то усилий и жертв и, к тому же, сохранились представления о необходимости обоснования своих действий перед гражданами, то возникает проблема отчётности. Тут «идеология победы» становится своего рода идеологией быстрой отчётности. Она накладывается на привычку бюрократии отчитываться «достижениями», «принятыми мерами» и прочими подобными вещами, которые в пропаган-

дистских целях легко представить как «победы». Поэтому избираются те сферы, в которых, в условиях кризиса, можно какую-нибудь «победу» продемонстрировать. Наиболее же эффективными способами принятия мер, демонстрации достижений и побед являются репрессии, запреты и война.

Точно так же, как оригинальная американская «идеология победы», наша отечественная сталкивается с проблемой непротиворечивого идеологического обоснования войн. Наиболее показательным способом предоставления отчёта в условиях вынужденного отказа от «идеологии подкупа» является война против какого-то материального противника и олицетворяемым им идеологией. Эти противники ситуативно разные. В случае Украины — Запад, бездуховность, фашизм, либерализм. В случае с ИГИЛ — это терроризм и «средневековье». Война становится все более значимой для обоснования гегемонии, так как для «идеологии победы», поскольку она остаётся идеологией, необходима победа над идеологическими же противниками.

Как бы ни важно было достижение само по себе, — например, победа в войне, — всегда приходится отвечать на вопрос: а что, собственно, победило? У войны должна быть понятная и желательно непротиворечивая идейная **подоплёка**.

Идеологические обоснования войн в Донбассе и Сирии известны. В Донбассе — это война (в которой, конечно, Россия официально не участвует) за туманный «Русский мир». В Сирии — «борьба с терроризмом», за светское государство, порядок и «за Асада» (т. е., по большому счёту, за одного из местечковых наследных диктаторов). Однако эти идеологические обоснования нередко весьма уязвимы и противоречивы.

На Украине Россия борется с «фашизмом», хотя в действительности украинский режим, пусть и нелегитимный, не выходит за рамки обычной «буржуазной демократии» с сильным националистическим уклоном. Его конституционные основания примерно такие же, как и российские, он такой же капиталистический, что особенно любит подчёркивать наша пропаганда, когда рассуждает о власти олигархов на Украине.

Война против ИГИЛ тоже в каком-то смысле является войной против тех, чьи цели и взгляды способны встречать среди изрядной части нашего общества понимание и даже симпатию. По крайней мере, идеология ИГИЛ может быть легко истолкована как привлекательная для многих альтернатива потребительству и бездуховности, основанная на любимых нашими официальными лицами «традиционных ценностях».

Объективно выходит, что на Украине Россия борется с «европейскими ценностями», а в Сирии, как раз, с «традиционными», в то время, как и те, и другие являются неотъемлемыми частями идеологической идентичности нынешнего режима. Но что же в таком случае будет означать победа над своими врагами, наступающими с двух сторон? Становится трудно отличить, где заканчиваются победы над врагами и начинаются победы над своими же ценностями.

Попытки отчитаться военными успехами оборачиваются подрывом какой-то из сторон легитимности правящего режима. Война на Украине ставит под сомнение «западную», «либеральную» легитимность. Война в Сирии, наоборот, перечёркивает легитимность традиционалистскую и антизападную, но зато как бы снова включает Россию в либеральный консенсус, и даже в число «европейских демократий» [Генсек Совета Европы... 2015]. Постоянная война против «своих», будучи, рано или поздно, осознана как перманентное предательство, не может привести ни к чему иному, как к усугублению все того же чувства вины.

Однако и внутри наших границ дело обстоит не лучше. Все масштабные мероприятия с неоднозначными последствиями, которые осуществлялись в нашей стране за последние 25 лет — от «рыночных реформ» и «шокотерапии» до ЕГЭ и до попытки насаждения православных ценностей и «Платона» — все они совершались с оправданием: так делают в Европе, так де-

лают во всем цивилизованном мире. Сейчас наша страна противопоставляет себя тому самому «цивилизованному миру». Элита требует патриотизма от своих граждан, при каждом удобном случае, однако, объясняя непопулярные меры тем, что так делают и в Европе, т. е. признаваясь в том, что она ...является агентом неоднократно осуждённой вестернизации. Признаваясь в том, что, в сущности, ей все равно под каким предлогом принуждать людей к чему-то непопулярному — под «патриотическим» или «европейским». И действительно, тем, кому, по большому счёту «нужна одна победа», безразлично, под каким идеологическим соусом она будет подана.

«Получилось как всегда»

Так или иначе, выставление любого действия российской правящей верхушки как очередной «победы» приводит к неустранимым идеологическим противоречиям, которые возникают при попытках эти взаимоисключающие победы обосновать. На внутреннем фронте, как и во внешней политике, стремление отчитаться очередной победой приводит к совершению действий, которые быстро дают результат. Ими оказываются запреты и санкции, наказание все новых врагов и месть старым. Но, накапливаясь, такие победы порождают у все большего числа людей чувство раздражения и озлобленности в силу непонимания почему все эти победы ударили именно по ним, а также ввиду все более нарастающего понимания, что ты можешь оказаться непременно в чем-то виноватым.

При этом специфика российского политического режима не подразумевает способов эффективного политического канализирования недовольства. Все противоречия нашей «идеологии победы» изначально заключены в одном флаконе, поскольку культивируются в рамках мышления правящей бюрократической корпорации в целом, и поэтому не могут быть политически разрешены простой сменой партий у власти. Отсюда вытекает необходимость в, так сказать, ручном идеологическом управлении, чтобы маневрировать среди этих противоречий. Приходится время от времени зондировать почву на предмет возможности, к примеру, встроить в наличный идеологический микс элементы почитания «белых» вождей или Сталина, или Николая Второго и т. д., делать шагжки в кажущемся верном направлении или, напротив, отступать, натолкнувшись на негативную реакцию общественности. Или одёргивать зарвавшихся сторонников режима, когда они слишком уж откровенно посягают на либеральные конституционные установления.

Всё это, в конечном счёте, обесценивает любую идеологическую риторику отечественного политического режима, под которой обнаруживается нечто вроде «общественного договора» в его гоббсовской версии: если вы согласились с существованием суверена, то придётся его терпеть. Подобная версия «общественного договора» наиболее проста в своей непосредственности, поскольку легитимность корпоративно-бюрократического суверена в ней по большей части основана на факте превосходства над подданными и победы над ними.

Однако история не знает окончательных побед и в ней ни один класс навечно не получает то, чего хочет. Тем более, наша политическая элита уже не смогла в области идеологии получить того, чего желала. Как некогда сказал ее видный представитель, «получилось как всегда».

Генсек Совета Европы... 2015. Генсек Совета Европы: «Россия — часть европейских демократий». — *РИА Новости*. — Доступно: <http://www.riavsv.ru/entry/215191/>. — Проверено: 30.12.2016.

Горин Д. 2014. Логика забвения, или Почему Первая мировая война не вписывается в официальную картину российской истории. — *Неприкосновенный запас*. — № 4.

Ефремова В.Н. 2014. *Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России*. Дисс. на соискание уч. степени кандидата политических наук. — М.

Копосов Н. 2011. *Память строгого режима: История и политика в России*. — М.: Новое литературное обозрение.

Лестер Дж. 2003. Теория гегемонии А. Грамши и современность. — *Альманах «Восток»*. — № 9\10.

Макаренко В.П. 2016. Отечества бесстрастные чины. — *Независимая газета*. — Доступно: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-12-27/9_6895_biurokrat.html?id_user=Y. — Проверено: 30.12.2016.

Мангейм К. 1991. Идеология и утопия. — *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*. — М.: Прогресс.

Мартьянов В.С. 2006. Праздник для никого. — *Политический журнал*. — № 20(115).

Мединский В. 2015. Навстречу 100-летию Революции: Звено в исторической преемственности и платформа примирения. — *Однако*. — Доступно: <http://www.odnako.org/blogs/navstrechu-100-letiyu-revoljucii-zveno-v-istoricheskoy-preemstvennosti-epoha-gigantskih-dostizheniy-i-platforma/>. — Проверено: 30.12.2016.

Семин К. 2014. Азбука национализмов: что такое «друзья народа» и как они рушат Русский Мир. — *Однако*. — Доступно: <http://www.odnako.org/blogs/azbuka-nacionalizmov-chto-takoe-druzya-naroda-i-kak-oni-rushat-russkiy-mir/>. — Проверено: 30.12.2016.

Сталин И.В. б/г. Доклад на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы. 6 ноября 1944 года. — *Хронос*. — Доступно: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/15-11.html>. — Проверено: 30.12.2016.

Фишман Л. 2016а. Антиэкстремистский дискурс — взбесившийся либерализм? — *Свободная мысль*. — № 4.

Фишман Л.Г. 2015б. Идеология и победа. — *Полития*. — № 3.

Фишман Л. 2016б. «Идеология победы» и её имитация или Почему Россия не Америка. — *Левая политика*. — № 25–26.

Фишман Л. 2015а. О «русском мире» и бесперспективности «недонационализма». — *Неприкосновенный запас*. — № 1.